Глава 56. Сыновнее благочестие.

Громкий звук разбившейся чашки испугал наложниц, но еще больше их испугало решение Шуфэй. Отправиться на гору Тысячи Будд, чтобы сопровождать Вдовствующую императрицу, все равно, что стать монахиней. Даже если бы их повысили в должности, они не увидели бы Императора в течение трех-пяти лет и, чтобы вернуться, им пришлось бы ждать смерти Вдовствующей императрицы. Кто к этому времени вспомнит о них? Найдется ли для них еще место в этом дворце? Более того, Император очень занят. Если он забудет о необходимости их забрать, им, вероятно, придётся остаться там на всю оставшуюся жизнь! Короче говоря, лучше быть сосланным в Холодный дворец, чем следовать за Вдовствующей императрицей на гору Тысячи Будд! По крайней мере, пребывание в Холодном Дворце ближе к Императору, и у них был шанс вернуть себе расположение.

Что случилось с Шуфэй? Она что, сошла с ума? – Императорские наложницы не могли поверить своим ушам, но они были рады. – К счастью, Шуфэй проявила инициативу и вызвалась добровольцем, иначе одна из нас действительно могла приглянуться Вдовствующей императрице!

– Ты понимаешь, что говоришь? – Когда Император Чжоу’Ву выплевывал каждое слово сквозь стиснутые зубы, его дрожащие руки сжались в кулаки.

Санью скорее станет монахиней, чем останется рядом со мной! – В этот момент его сердце словно пронзили тысячи порезов. Было невыносимо больно!

– Эта наложница готова сопровождать Вдовствующую императрицу обратно на гору Тысячи Будд. Эта наложница просит Ваше Величество исполнить желание быть сыновней! – Без колебаний Мэн Санью поклонилась и снова стала умолять.

Вдовствующая императрица махнула рукой и подала знак служанке убрать разбитые фарфоровые осколки, чтобы они не причинили ей вреда.

Император Чжоу’Ву пристально смотрел на решительное выражение лица женщины. Он хотел закрыть ей рот, хотел запереть ее, хотел дать волю своей ярости! Но в глубине души мужчина знал, что не имеет права сердиться.

Именно из-за меня Санью хочет сбежать из Императорского дворца, и даже готова стать монахиней!

– Доброе дитя, быстро вставай! Поскольку ты хочешь быть сыновней, Айцзя не будет небрежно отмахиваться от твоей просьбы. На улице снег и мороз, а ты все еще больна. Утренняя молитва Айцзя начинается в 4 часа утра, а вечерняя молитва заканчивается в 10 вечера. Ради удобства, ты могла бы переехать во дворец Айцзя. Если ты сможешь привыкнуть к такой строгой жизни, Айцзя заберет тебя. Что касается Императора, то, пока он выздоравливает, Айцзя пошлет кого-нибудь другого присматривать за ним.

Вдовствующая императрица внимательно наблюдала за выражением лица Шуфэй. Ее искреннее отношение и сияющие глаза, ясно показывали, что она очень хочет покинуть дворец. Вдовствующая императрица не могла не вздохнуть:

Этот ребенок намного умнее, меня, когда я была молода. Она не очарована красотой и экстравагантностью. Очень хорошо! Раз уж этот ребенок пожелал этого, почему я должна ей отказать?

– Спасибо, Вдовствующая императрица! – Радостно воскликнула Мэн Санью. Она воспользовалась шансом и села по другую сторону от Вдовствующей императрицы, подальше от сумасшедшего Императора.

– Мать Императрица! Вашему сыну не нужны другие, чтобы заботиться о Нас! – Император Чжоу'Ву внезапно повернул голову, чтобы посмотреть на Вдовствующую императрицу. Его черные как смоль глаза выражали тревогу, гнев и страдание.

Вдовствующая императрица была поражена его редким проявлением эмоций.

Этот ребенок похож на покойного Императора, чьи мысли и выражения лица было трудно прочитать. Я никогда не видела его растерянным и беспомощным настолько, что он даже ломает вещи. Кажется, что его чувства к Шуфэй глубже, чем я думала. Однако по ясным сияющим глазам и решительному выражению лица Шуфэй очевидно, что она абсолютно ничего не чувствует к моему сыну. – Наблюдая за лицами этой пары со стороны, Вдовствующая императрица вдруг почувствовала какое-то тонкое удовлетворение. – Эти отец и сын мучали меня в течении половины моей жизни, наконец, я могу им отплатить. – Губы Вдовствующей императрицы изогнулись в улыбке. Не обращая внимания на молчаливую мольбу сына, она закрыла глаза и начала перебирать четки. – Бесполезно просить Айцзя. Если ты не можешь должным образом позаботиться о своей жене, кого ты можешь винить, кроме себя?

Мэн Санью опустила голову, что бы не встречаться взглядом с Императором.

До сих пор этот человек просто жаждал моего чистого тела, поэтому и не хочет меня отпускать. Как только я стану вчерашним цветком, он отбросит меня, как пару стоптанных туфель.

– Разве вы не говорили, что хотите сопровождать Вдовствующую императрицу, чтобы петь сутры? Что хотели выполнить свой сыновний долг от имени Чжень? Почему вы ничего не говорите? Вы что, онемели? Может быть, ваше сыновнее благочестие – это просто шоу, которое вы устроили для Чжень? Хм?! – Император Чжоу'Ву был беспомощен против своей матери и жены, он не мог выместить на них свой гнев. Мужчина мог только повернуться, посмотреть на сидящих или стоящих перед ним на коленях наложниц, хлопнуть рукой по столу и зарычать.

Императорские наложницы были до смерти напуганы внезапной, редкой вспышкой гнева Императора. Они почувствовали сильное давление, исходящее от его взгляда, и быстро заставили себя поклониться и попросить Вдовствующую императрицу позволить им остаться

рядом с ней.

Его Величество не может расстаться с Шуфэй и хочет принести нас в жертву!

– Жизнь на горе Тысячи Будд сурова. Если вы не искренни, вы не посвятите себя полностью, даже если будете сопровождать Нас. Айцзя не заботится о вашем лицемерии. Вы все можете уйти, Айцзя устала! – Вдовствующая императрица махнула рукой, чтобы прогнать их. Ее слова были довольно резкими.

Хотя Вдовствующая императрица увещевала их, наложницы были фактически помилованы. Они поклонились двум, сидящим на почетных местах людям и выбежали из главного зала, смертельно боясь, что если они хоть немного задержатся, Император может отправить их на гору Тысячи Будд.

Мэн Санью тоже встала. Она собиралась вернуться во дворец Би’Сяо, чтобы упаковать свои вещи. Выражение лица Императора было мрачным, когда он подошел к ней и, используя всю свою силу, схватил ее за руку.

Почему ты предпочитаешь стать монахиней, чем дать Чжень хоть малейший шанс? Может быть, ты так сильно ненавидишь Чжень, что тебе нужно бежать, пока не стало слишком поздно?

Многие слова вертелись у него на кончике языка, но он никак не мог их озвучить, из-за чего не мог успокоить свой гнев. Его сердце болело так, словно его резали ножом.

– Ссс… – На лице Мэн Санью появилось болезненное выражение, и она начала слегка сопротивляться. Император Чжоу’Ву немедленно отпустил ее руку и обнял за плечи. Глядя в ее ясные глаза феникса, слегка нахмуренные брови и болезненный цвет лица, его сердце давным-давно пришло в хаос.

– Санью… – Не уходи! – Прежде чем он успел произнести последние два слова, Вдовствующая императрица уже отложила четки и прервала его:

– Шуфэй, свои вещи ты можешь забрать позже. Айцзя отведет тебя в малый буддийский молитвенный зал, чтобы посмотреть. Сначала ознакомься с окружающей средой.

– Понятно. – Мэн Санью, естественно, вырвалась из объятий мужчины и подошла, чтобы поддержать Вдовствующую императрицу.

– Ваше Величество, у вас еще много государственных дел, так что сначала возвращайтесь. – Отмахнувшись от Императора Чжоу’Ву, Вдовствующая императрица взяла Мэн Санью и повернулась к внутренней комнате.

Дрожащими глазами мужчина некоторое время смотрел на бисерный занавес. Стройная фигура Мэн Санью давно исчезла из поля его зрения. Взгляд Императора Чжоу’Ву был глубоким и непредсказуемым, он закрыл глаза, повернулся и зашагал прочь.

– Ваше Величество, в последние два дня болезнь Хунвэня стала серьезнее, особенно когда он скучает по Вашему Величеству. Не соблаговолите ли Вы посетить дворец Чжаочунь, чтобы повидаться с ним? – Императорская супруга спокойно ждала в длинном коридоре за пределами дворца Сининг. Тонкий слой снега осел на ее плечах и пропитал одежду. В сочетании с бледным лицом и задумчивым взглядом она была похожа на любящую, заботливую мать. Любой, кто увидел ее такой, был бы тронут.

В прошлом Императору нравилась моя внешность. Я уверена, что смогу вернуть его благосклонность.

Лицо Императора Чжоу’Ву было мрачным. Вместе с Чан Си, он быстро прошел мимо нее, сел в императорский паланкин и исчез в снежной дали, оставив императорскую супругу стоять в стороне, как будто ее там и не было. Холодный ветер коснулся пустого лица Императорской супруги и заставил ее вздрогнуть.

– Хе-хе, ты хотела использовать своего сына, чтобы снова завоевать благосклонность. Какая жалость! Ты – живой, дышащий человек, но его Величество даже не удостоил тебя взглядом! – Достойная супруга, которая намеренно ждала за углом, вышла, чтобы поиздеваться над другой стороной. Она втайне радовалась, что сама не вышла вперед и таким образом избежала потери лица перед Императором.

Кажется, что сейчас, кроме Шуфэй, Император ни на кого другого не обращает внимания.

– Чтобы бороться за благосклонность, лучше иметь живого ребенка, чем мертвого. – С безразличным выражением лица, Императорская супруга стряхнула снег с плеч и нанесла ответный удар. Увидев ненависть, горящую в глазах Достойной супруги, ее губы изогнулись в улыбке, и она элегантно ушла.

Похоже, Его Величество действительно заботится о Шуфэй. Ей уже не подают лекарство для предотвращения беременности. Хотя ее тело было повреждено, недавно я слышала, что Его Величество помогает ей выздороветь. Как только ее болезнь пройдет, и она родит принца, как я смогу выжить в этом дворце? Раз уж она так сильно хочет отправиться на гору Тысячи Будд, мне лучше придумать, как помочь ей добиться успеха. – Сидевшая в паланкине Императорская супруга, погрузившись в свои мысли и обдумывая следующий шаг, крутила в руках носовой платок.

Когда фальшивый император был рядом, Императорская супруга была самой любимой из гарема. Он был полностью подчинен ей и выполнял каждую ее просьбу. Тогда, он казался вполне искренним. Когда Достойная супруга пала, Императорская супруга выставила напоказ свой привилегированный статус, и, естественно, ее амбиции также выросли. Если бы она когда-нибудь узнала, что тот, кто благоволил ей, был вовсе не настоящим Императором

Чжоу’Ву, неизвестно, какое бы у нее было выражение лица, так как ее тело давным-давно запятнали.

Во дворце Цяньцин Император Чжоу’Ву просматривал мемориалы, склонившись над своим столом. Его брови были плотно сдвинуты, а тело излучало морозную ауру, которая заставляла слуг молчать. Когда он отшвырнул мемориал в сторону, раздался громкий стук. Его красивое лицо покраснело от гнева.

Слуги задрожали и опустили головы еще ниже. Чан Си был спокоен и собран. Он шагнул вперед, чтобы поднять императорскую кисть и мемориалы, которые были брошены на землю.

– Пошли кого-нибудь доставить это письмо Кай’рен Ли. – Торжественно произнес мужчина. Взяв кисть и записав несколько слов, он помассировал виски.

Чан Си принял приказ и назначил евнуха для отправки письма. Кай’рен Ли – бывшая Благородная супруга Ли. Обвинения семьи Ли были доказаны. Хотя их преступления не заслуживали смерти, клан Ли был низведен до уровня простолюдинов и сослан за три тысячи ли. Поскольку она родила Второго принца, Благородная супруга Ли была только понижена в звании. Однако, поскольку ее ранг был слишком низким, в своей повседневной жизни она столкнулась с большими трудностями.

– Приготовьте императорский паланкин и отправляйтесь во дворец Би’Сяо. – Больше не беспокоясь о документах, мужчина отложил кисть и большими шагами вышел из зала. Чан Си был очень проницателен, он уже давно подготовил императорский паланкин. Было даже несколько грелок для рук, чтобы согреть его.

Я знал, что Император не сможет долго сдерживаться, когда дело дойдет до вопросов, касающихся ее светлости Шуфэй.

Увидев, что они приближаются к дворцу Би’Сяо, Император Чжоу’Ву нахмурил брови, и его настроение стало более тревожным.

Что я скажу Санью, когда доберусь туда? Должен ли я сказать: «Ты будущая императрица Чжень. Ты должна остаться с Чжень?» Или я мог бы сказать: «Чжень любит тебя. Не могла бы ты остаться и сопровождать Чжень»? Мало того, что Санью наверняка мне не поверит, она может даже заподозрить меня в заговоре и еще больше возненавидит меня. Санью давно потеряла ко мне всякое доверие!

Даже если он был в ярости и крайне возмущен, его эмоции, естественно, успокоятся, когда он столкнется с ясными глазами феникса Мэн Санью. Эта женщина была для него просто немезидой – он никогда не мог победить ее!

Горько улыбнувшись, Император Чжоу’Ву открыл занавес паланкина и низким голосом скомандовал:

– Измени направление, мы идем во дворец Сининг.

Если Санью мне не верит, я больше ничего не буду говорить. Как только пройдет время, она, естественно, узнает о моих чувствах.

– Понятно. – Чан Си поклонился, и его шаги, которые направлялись к дворцу Би’Сяо, замедлились. Он размышлял про себя:

Только перед лицом Шуфэй Его Величество так нерешителен, особенно сегодня. Он очень похож на кота на горячей жестяной крыше! – Подумав об этом, он сжал в руке метелку из хвоща и упрекнул себя за неуважительное описание.

Кай’рен Ли уже давно стояла на коленях перед дворцом Сининг. На ее голове и плечах скопился слой снега, а лицо было бледным как бумага. Тем не менее, ее спина оставалась прямой, показывая ее непоколебимую решительность. На крытой дорожке Няня Джин, с апатичным выражением лица, наблюдала за происходящим.

Увидев императорский паланкин, она поспешно повела слуг вперед, чтобы встретить его. Император Чжоу’Ву махнул рукой и велел всем встать. Проходя мимо Кай’рен Ли, он пристально посмотрел на нее, и в его глазах промелькнуло удовлетворение.

В этом дворце могут выжить только умные женщины! Я надеюсь, что Кай’рен Ли меня не подведет.

http://tl.rulate.ru/book/22823/2028024